

© 2006 г. Е. В. УРЫСОН

СЕМАНТИКА СОЮЗА *но*: ДАННЫЕ ЯЗЫКА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЗНАНИЯ*

Описаны разные контексты употребления союза *но*. Показано, что ядерный компонент семантики этого союза не поддается обычному толкованию. Дело в том, что слова естественно-го языка, в частности семантические примитивы, существенно богаче семантического “ядра” союза *но*. Данный союз не имеет отношения к концептуализации в языке каких-либо представлений – он маркирует некую элементарную форму деятельности сознания. В развитие предлагаемого подхода намечены основные противопоставления внутри подсистемы союзов *и*, *а*, *но*.

1. ВВЕДЕНИЕ

Хорошо известно, что союз *но* (как и его аналоги в других языках, например, *but*) употребляется в достаточно разных контекстах [Бабалова 1980; Бакалова 1984; Карлсон 1986; Кручинина 1988; Санников 1989; R. Lakof 1971 и многие другие работы]. В толковых словарях, например в [МАС; СУш], он подается как полисемичный. Однако во всех контекстах с *но* хорошо ощущается определенная смысловая общность, благодаря чему в теоретической литературе союз *но* иногда признается моносемичным [Виноградов 1972; Левин 1970; Санников 1989].

Наша гипотеза состоит в следующем.

Союз *но* удобно признать полисемичным для определенных лингвистических целей: например для того чтобы продемонстрировать его парадигматические связи в лексической системе языка, в частности чтобы уяснить сходства и различия союза *но* с близкими ему в ряде контекстов союзами *а* и *хотя*. Однако все его значения, выделяемые для этой цели, имеют большую, причем нетривиальную общую часть – это семантическое “ядро” союза *но*. Ядерный компонент союза *но* весьма специфичен с теоретической точки зрения: он не поддается дефиниции на обычном семантическом языке, его значение не может быть определено с помощью семантических примитивов. (Напомним, что в современных семантических теориях в качестве семантического метаязыка выбирается естественный язык, точнее подъязык языка-объекта; подробнее см. [Апресян 1995].) Дело в том, что слова естественного языка, в том числе семантические примитивы, существенно богаче “ядра” союза *но*. Некоторые, весьма общие значения союза *но* состоят из этого ядерного компонента и небольших смысловых “добавок”. Такие значения тоже не толкуемы обычным способом. Для уяснения семантики союза *но*, в особенности для описания этих его значений, а также ядерного компонента союза, требуется принципиальное расширение метаязыка семантики. Мы получили простое и естественное описание союза *но*, по-

* Автор приносит глубокую благодарность Н.И. Лауфер, Г.Е. Крейдлину и А.Д. Шмелеву за ценные соображения, высказанные при обсуждении этой работы на международных конференциях “ДИАЛОГ’2005” и “Четвертая типологическая школа”.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 06-04-00289а), гранта Президента РФ на поддержку ведущих научных школ (№ НШ-5611.2006.6), Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН (“Русская культура в мировой истории”).

пытавшись моделировать некоторые элементарные формы деятельности сознания. Определенное подтверждение предлагаемой модели мы находим в общей психологии [Узнадзе 1966].

2. “НО НЕНОРМАЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ” И “НО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ”

Союз *но* ассоциируется с “обманутым ожиданием”. Начнем с тех случаев, когда это “обманутое ожидание” эксплицируется более или менее просто.

Сравним следующие высказывания (здесь и ниже используются, иногда в модифицированном виде, примеры из книги [Санников 1989]):

(1) *День был дождливый (P), но Коля не вымок (N).*

(2) *День был дождливый (P), но Коля взял зонт (N).*

В обоих примерах подразумевается следующее “обманутое ожидание”:

(а) ‘в дождливую погоду люди вымокают’.

В обоих случаях это ожидание опровергается вторым сочиненным компонентом (N). Однако данный компонент вводит в этих примерах принципиально разную информацию. С некоторым огрублением, в (1) пропозиция N – это отрицание ожидания (а). (Мы отвлекаемся сейчас от того, что в (а) имеются в виду классы ситуаций, а в (1) – конкретная ситуация с конкретными участниками.) Что касается примера (2), то здесь компонент N вводит не отрицание ожидания ‘в дождливую погоду люди обычно вымокают’, а причину того, почему оно оказалось обманутым. Этот факт подробно описан в книге [Санников 1989].

Оказывается, что от второй пропозиции зависит еще и возможный выбор союза (фразовой частицы) в предложении. Высказывание (1) допускает замену союза *но* на *хотя* или на *тем не менее* без сколько-нибудь существенного изменения смысла. Ср.:

(1а) *Хотя день был дождливый (P), Коля не вымок (N); День был дождливый (P), тем не менее Коля не вымок (N).*

Высказывание (2) такой замены не допускает. Точнее, полученные трансформы выражают какой-то аномальный смысл, или, по меньшей мере, описывают настолько нестандартную ситуацию, что их можно счесть неправильными. Ср.:

(2а) ^(*)*Хотя день был дождливый (P), Коля взял зонт (N); ^(*)День был дождливый (P), тем не менее Коля взял зонт (N)*¹.

Приведенные факты легко лексикографировать, если считать, что в (1) и (2) представлены разные лексемы союза *но* – *но 1.1* и *но 1.2* соответственно. Назовем эти лексемы “*но ненормального следствия*” и “*но противодействия*”². Тогда, в частности, у *но 1.1* (“*но ненормального следствия*”) есть синонимы (*хотя* и *тем не менее*), которых нет у *но 1.2* (“*но противодействия*”). Вторая лексема тоже обладает собственной спецификой и собственными парадигматическими связями. В частности, лексема “*но противодействия*” чрезвычайно характерна для диалогической речи – она начинает ответную реплику. Ср. – *Завтра у тебя лыжная тренировка. – Но у меня нога болит <мороз восемнадцать градусов>*. Лексема “*но противодействия*” вводит здесь возражение императиву, точнее – указывает на ситуацию, препятствующую осуществлению предписания³. Эта лексема имеет семантический дериват –

¹ Кажется, что приведенные примеры могут быть осмысленны, если речь в них идет о зонте, защищающем от солнца. Однако на самом деле такое их понимание вряд ли возможно: в подобных фразах оказывается нарушенным основной закон семантической организации высказывания, а именно закон семантического согласования (см. о нем [Гак 1972; Апресян 1974: 13–14] и ссылки в последней из этих работ). Действительно, получается, что упоминание о дожде в первой части высказывания полностью “рассогласовано” с информацией о защите от солнечных лучей.

² Эти названия заимствованы из книги [Санников 1989].

³ Не исключено, что мы имеем здесь дело с особым употреблением лексемы “*но противодействия*”. Об употреблении лексемы как особом лексикографическом объекте см. [Апресян 2001].

он представлен в выражениях *никаких но*, *маленькое но*, *Есть одно но*. Ср. *Завтра у тебя лыжная тренировка. И никаких но!*; *Администрация казенных театров хотела заполучить новый голос на первые роли, однако было маленькое "но": за певцом числилась политическая неблагонадежность* (Скиталец; пример из [МАС]).

Предлагаемое описание союза *но* требует системного обоснования. Мы выбираем следующий способ представления фактов.

Лексемы *но 1.1* и *но 1.2* семантически трехвалентны, причем обладают одним и тем же набором актантов (Р, Q и R). Актант Р – это та ситуация, которая индуцирует “ожидание”; в данном случае Р – ‘день был дождливый’. Актант Q – это отрицание ожидания: (т. е. ситуация ‘Коля не вымок’). Актант R – это причина того, почему ожидание оказалось обманутым (ср. ‘Коля взял зонт’).

Различаются данные лексемы *но 1.1* и *но 1.2* рангом (номером) некоторых своих актантов и в связи с этим их синтаксическим выражением. Условимся, что актант с номером 1 выражается первым из сочиненных компонентов, а актант с номером 2 вводится союзом *но*, т.е. выражается вторым сочиненным компонентом. Тогда у обеих лексем первый ранг приписан актанту Р. Что касается второго ранга, то у лексемы *но 1.1* он приписан актанту Q с условным названием “отрицание ожидания”, а у лексемы *но 2.2* – актанту R “причина”. Актант с номером 3 обеих лексем выражается факультативно, а главное, его обозначение не подчиняется никаким сколько-нибудь четким лингвистическим правилам. Обнаружение данного семантического актанта требует обращения к области понимания текста. Тем самым семантически трехвалентный союз *но* на синтаксическом уровне имеет всего две валентности. Поэтому в высказываниях с союзом *но* часто оказывается опущенным одно из “смысловых звеньев” (о таком пропуске “смыслового звена” в высказываниях с *но* см. работу [Левин 1970]).

Отсутствие “смыслового звена” бывает особенно ощутимо в высказываниях с “*но* противодействия”. Ср. *Берега Невы прекрасны [Р], но и не лягушка и не охотник до болот [R]* (Н. Карамзин; пример из книги [Санников 1989: 158]). Здесь ситуация Р индуцирует ожидание ‘я люблю берега Невы’, а ситуация R (‘я не лягушка и не охотник до болот’) – это причина, из-за которой ожидаемая ситуация не имеет место. Другой пример (из работы [Левин 1970: 79]): *Очень рано задумал ты жениться [Р], но твоя невеста мне нравится [R]*. В данном случае ситуация Р индуцирует ожидание Q ‘я против твоей женитьбы’, а ситуация R (‘твоя невеста мне нравится’) – это причина того, почему Q не имеет место. Сравни аналогичный пример: *Костюм тебе идет [Р], но платье значительно дешевле [R]*. Здесь ситуация Р (а также общий контекст) индуцирует ожидание Q ‘стоит купить костюм’, а ситуация R – это причина, по которой данное ожидание не реализуется.

Выпишем набор актантов двух выделенных лексем союза *но*.

Но 1.1:

Р (ключевая ситуация)=1,

Q (“отрицание ожидания”)=2,

R (“причина”)=0.

Но 1.2:

Р (ключевая ситуация)=1,

Q (“отрицание ожидания”)=0,

R (“причина”)=2.

Тем самым, *но 1.1* и *но 1.2* – это конверсивы по второму и третьему месту.

Напомним, что конверсия – это стандартное отношение между лексемами многозначного слова, а также между членами одного и того же семантического поля [Апресян 1974; Падучева 2004]. Наше описание в приведенных контекстах позволяет представить специфику функционирования союза *но* в системном виде.

Предлагаемый подход дает возможность экономно описать различие между фразами типа:

(2) *День был дождливый (Р), но Коля взял зонт (N).*

(3) *День был дождливый (P), но Коля не взял зонт (N).*

Эти примеры различаются в двух отношениях.

Во-первых, в данных примерах подразумеваются разные ожидания. Во фразе (2) это: 'в дождливую погоду люди вымокают'. В примере (3) обманывается другое ожидание: 'в дождливую погоду люди берут с собой зонт'. При этом в случае (2) ожидание выводится исключительно из знаний о мире – в тексте оно никак не выражено. В случае (3) ожидание – это отрицание пропозиции N.

Во-вторых, в рассматриваемых фразах представлены разные лексемы союза *но*. Действительно, в (2) союз *но* вводит причину того, почему ожидание оказалось обмануто, и значит, перед нами лексема *но 1.2*. В (3) союз *но* вводит отрицание самого ожидания, следовательно, здесь представлена лексема *но 1.1*.

Примеры (2) и (3) показывают, что одна и та же пропозиция P может вводить разные ожидания, причем понимание того, какое именно ожидание имеется в виду, обусловлено вторым сочиненным компонентом N. В разбираемых случаях "обманутое ожидание" является частью общих представлений о мире, фрагментом некоей "обиходной энциклопедии". Во многих случаях эти общие представления сложным образом взаимодействуют со знанием описываемого конкретного положения дел, с широким контекстом. В результате часто именно знание конкретной ситуации позволяет интерпретировать высказывание с союзом *но*. Этот факт отмечается во многих работах. Сравни яркий пример из книги [Инькова-Манзотти 2001]:

(4) *Тепло (P), но у Пети болит горло (R).*

Здесь обманутое ожидание Q: 'мы можем поехать купаться' (это ясно из широкого контекста). Причина того, почему оно обмануто (ситуация R): 'у Пети болит горло'.

Без знания ожиданий, предполагаемых конкретным высказыванием, не удастся построить систему, моделирующую понимание даже элементарных текстов [Мартемьянов, Дорофеев 1983]. Однако очевидно, что то или иное конкретное ожидание само по себе не входит в значение союза [Санников 1989]. Казалось бы, в лексикографическом описании достаточно указать самый общий тип ожидаемой, но не состоявшейся ситуации, а все остальные сведения о ней отнести к "обиходной энциклопедии". Но оказывается, что это не так. Ниже мы продемонстрируем, что "обманутое ожидание" бывает разной природы, и именно его природа обуславливает специфику союза *но*.

Однако прежде чем переходить к другим типам контекстов с союзом *но*, требуется истолковать выделенные лексемы. Ниже дается предварительное толкование союза *но 1.1*. Оно будет обсуждено и дополнено в следующих разделах. Что касается лексемы *но 1.2*, то она получается из *но 1.1* конверсным преобразованием и поэтому отдельно здесь не толкуется. Подчеркивание в толковании введено исключительно для удобства восприятия текста.

(I) *P, но Q [День был дождливый (P), но Коля не вымок (Q)] =*

[i] имеет место ситуация P;

[ii] имеет место какая-то ситуация R;

[iii, пресуппозиция] обычно ситуация типа P влияет на имеющееся положение дел; в результате если имеет место ситуация типа P, то не имеет место ситуация типа Q;

[iv, пресуппозиция] обычно ситуация типа R влияет на имеющееся положение дел; в результате если имеет место ситуация типа R, то имеет место ситуация типа Q;

[v] в данном случае ситуация R влияет на положение дел больше, чем ситуация P; в результате:

[vi] имеет место ситуация Q'.

Ранг актантов P, Q и R описан выше.

КОММЕНТАРИЙ 1. 'Ситуация P влияет на данное положение дел' = 'ситуация P может быть или является причиной или условием того, что данное положение дел изменится' ≈ 'из-за ситуации P положение дел изменяется или может измениться'. Представление о воздействии ситуации на общее положение дел чрезвычайно важно

для описания семантики целого ряда союзов. Оно используется при анализе союза *но* В.З. Санниковым [Санников 1989].

Компонент 'обычно' мы понимаем не в статистическом смысле ('в большинстве случаев'), а как 'прототипически'. О значении прототипа и его представлении в семантике единиц языка см., например в работе [Вежибская 1996]⁴.

КОММЕНТАРИЙ 2. Может показаться, что компоненты (iii) и (iv) сформулированы избыточно и было бы достаточно более кратких указаний: 'обычно если имеет место ситуация типа Р, то не имеет место ситуация типа Q' и 'обычно если имеет место ситуация типа R, то имеет место ситуация типа Q'. Эксплицитное указание на то, что ситуация (Р или R) влияет на имеющееся положение дел, необходимо по следующей причине.

Союз *если* допускается в двух типах нейтральных и одинаково частотных высказываний. Ср. *Если Ване больно, он плачет* vs. *Если Ване больно, он не плачет*. Существенно, что пресуппозицией высказывания с союзом *но* может служить лишь первый из приведенных примеров. Ср. *Если Ване больно (Р), он плачет (Q) – Ване больно (Р), но он не плачет (не-Q)*; однако: *Если Ване больно (Р), он не плачет (Q) – *Ване больно, но он плачет*. Принципиальное различие между этими двумя типами высказываний с *если* заключается в следующем. В первом высказывании ситуация Р является причиной ситуации Q или, по меньшей мере, благоприятным фактором для Q; т.е. ситуация Р обуславливает или даже "порождает" ситуацию Q. Во втором высказывании никакой подобной каузальной зависимости не выражено. Между тем пресуппозицией высказывания с союзом *но* может служить лишь фраза, в которой выражена каузальная зависимость одной ситуации от другой. Формулировки (iii) и (iv) отражают это в явном виде. Подробно о семантике союза *если* и о других союзах, толкуемых через 'если', см. [Урысон 2001; 2002а; 2003; 2004а].

КОММЕНТАРИЙ 3. Уместно остановиться на различиях между "но ненормального следствия" и близким ему по значению союзом *а*⁵. Сравни примеры из книги [Санников 1989]:

(3) *День был дождливый (Р), но Коля не взял зонт (Q).*

(5) *День был дождливый (Р), а Коля не взял зонт (Q).*

В.З. Санников дал точную экспликацию различий между этими фразами: "Союз *но* указывает на зависимость компонентов Р и Q (Коля знал, что погода дождливая, и все-таки не взял зонт); союз *а* описывает события как независимые (возможно, когда Коля собирался, дождя еще не было)" [Санников 1989: 170—171].

Попытаемся представить это различие между союзами в возможно более общем виде.

Обратим внимание на то, что фразы с союзом *но* легко допускают введение фактора R, благодаря которому нарушается обычный жизненный распорядок. Ср.

(3а) *День был дождливый (Р), но Коля не взял зонт (Q), потому что у него был плащ.*

Этот факт хорошо соответствует предложенному выше толкованию союза *но* как семантически трехвалентного предиката.

Союз *а*, напротив, плохо совместим с объяснением того, почему ситуация Q все-таки имеет место. Ср.

(5а) ?*День был дождливый (Р), а Коля не взял зонт (Q), потому что у него был плащ (R).*

Сравни аналогичные примеры:

⁴ В книге [Санников 1989] для выражения соответствующего смысла выбран компонент 'норма', ср. 'нормальный ход событий'.

⁵ Мы уточняем толкование союза "*а* ненормального следствия", данное в работе [Урысон 2004а].

(6) *Дорога проселочная (P), но ехать легко и приятно (Q) – Дорога проселочная (P), но, если погода хорошая (R), ехать легко и приятно (Q);*

(7) *Дорога проселочная (P), а ехать легко и приятно (Q) – ^{??}Дорога проселочная (P), а, если погода хорошая (R), ехать легко и приятно (Q).*

Это различие между союзами *но* и *а* требуется интерпретировать.

Возьмем для определенности примеры (3) и (5).

Фраза (3) – с союзом *но* – указывает на то, что Коля знал, что погода дождливая. Значит, он не взял зонт сознательно, по какой-то причине. Следовательно, ситуация ‘дождливая погода’ как-то влияла на него, но существовал и какой-то другой, более сильный фактор R, благодаря которому и возникла ситуация Q ‘Коля не взял зонт’. В высказывании (3) этот фактор R никак не обозначен, а в (3а) он выражен: ‘у Коли был плащ’. Итак, союз *но* указывает на привычную нам причинно-следственную связь между ситуациями, когда на имеющееся положение дел влияют разные факторы (P и R) и один из них преодолевается другим. Этот факт отражен в толковании (I) выше.

В отличие от *но*, союз *а* подает дело так, как если бы ситуация Q возникла без определенной причины. Поэтому фраза (5а) и аномальна. С одной стороны, союз *а* указывает на то, что ситуация Q возникла как будто сама по себе, без какой-либо причины; а с другой стороны, во фразе (5а) эта причина ясно обозначена: ‘у Коли был плащ’. При этом остается неясным, влияла ли вообще ситуация P ‘дождливая погода’ на данное конкретное положение дел. (Отсюда и представление о независимости ситуаций P и Q, эксплицированное в работах [Левин 1970: 78; Санников 1989: 170].)

Но было бы неверно думать, что союз *а* предполагает полное отсутствие какой бы то ни было причинно-следственной связи между ситуациями: указание на причину, неизвестную говорящему, вполне с ним совместимо. Ср.

(8) *Зарплату повысили (P), а денег по-прежнему не хватает (Q) – Зарплату повысили (P), а денег почему-то по-прежнему не хватает (Q)* [лексема *почему-то* указывает на то, что причина ситуации Q существует, но неизвестна говорящему].

(7а) *Дорога проселочная (P), а ехать почему-то легко и приятно (Q).*

На наш взгляд, в толкование союза *а* входит следующий компонент: ‘говорящий не думает о том, что ситуация Q имеет какую-либо причину, или не знает, почему Q имеет место’. Данный компонент “блокирует” введение в высказывание информации о причине ситуации Q, однако допускает указание на незнание ее. Заметим, что союз *но* указывает лишь на то, что причина ситуации Q существует, однако ничего не сообщает о том, знает или не знает ее говорящий.

Предлагаем следующее толкование лексемы “а ненормального следствия”:

(II) *P, а Q* [День был дождливый (P), а Коля не взял зонт (Q)] =

(i) ‘имеет место ситуация P;

(ii, пресуппозиция) обычно или по мнению говорящего или слушающего ситуация типа P влияет на имеющееся положение дел; в результате: если имеет место ситуация типа P, то не имеет место ситуация типа Q;

(iii) в данном случае имеет место ситуация Q;

(iv) говорящий не думает о том, что ситуация Q имеет какую-либо причину, или не знает, почему Q имеет место’.

Указание на говорящего, на то, что он не думает о чем-то или чего-то не знает, объясняет ту трудноуловимую “субъективность” союза *а*, которая неоднократно отмечалась исследователями; см. [Виноградов 1972: 558] и особенно [Йокояма 1990; Падучева 1997]. Именно благодаря этой “субъективности” союза *а* высказывание с ним часто выражает оценку (которая иногда маркируется только просодическими средствами) или сочетается с оценочным контекстом. Ср. *Дождь проливной, а Коля не взял зонт. Вот ведь растяпа!* Для высказываний с союзом *но* такая оценочность гораздо менее характерна. Сравни странный или даже аномальный текст: *Дождь проливной, но Коля не взял зонт. Вот ведь растяпа!*

Фигуру говорящего впервые ввела в толкование “*a* ненормального следствия” Е.В. Падучева. В ее работе [Падучева 1997] специфика данного значения союза *a* объясняется обязательным совпадением говорящего и субъекта сознания. Мы предложили иную интерпретацию материала.

Как видим, союз *a* и семантически, и синтаксически двухвалентен. Семантический актант Р (ему приписывается номер 1) выражается первым из сочиненных компонентов. Семантический актант Q (с номером 2) вводится союзом *a*, т.е. выражается вторым сочиненным компонентом. Оба актанта выражаются обязательно.

Заметим, что союз *хотя*, семантически близкий союзу “*но* ненормального следствия” (ср. *Хотя день был дождливый, Коля не взял зонт*), занимает в некотором роде промежуточное положение между союзами *но* и *а*. С одной стороны, союз *хотя*, подобно союзу “*но* ненормального следствия”, хорошо сочетается с указанием на причину данного положения дел. Ср. *Хотя день был дождливый, Коля не взял зонт, потому что теперь у него была куртка с капюшоном*. С другой стороны, он, как и “*а* ненормального следствия”, семантически и синтаксически двухвалентен. Подробнее об актантной структуре союза *хотя* см. [Урысон 2002а; 2003].

3. НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ ЛЕКСЕМЫ СОЮЗА *НО*: “*НО* ДВУХ СЛЕДСТВИЙ” И “*НО* ЛОГИЧЕСКОЕ”

Некоторые высказывания с союзом *но* как будто очень похожи на примеры, разобранные выше, однако толкование (I) к ним неприменимо. Подобные высказывания содержат особые лексемы союза *но*, которые хотя и близки лексеме “*но* ненормального следствия”, однако обладают собственной спецификой. Попытаемся описать данные случаи, исходя из выражения (I) как основы толкования этих новых лексем. В следующем разделе будет предложена другая интерпретация разбираемых примеров, однако сейчас нам важно продемонстрировать применимость развиваемого подхода и к данному материалу.

3.1. Лексема “*но* двух следствий”. Она представлена в примерах типа

(9) *Иван сумел выиграть чемпионат Европы (Р), но на Олимпиаде не вошел даже в шестерку сильнейших (Q).*

В данном случае неверно, что ситуация типа Р (‘некоторый спортсмен был чемпионом Европы’) обычно имеет своим следствием ситуацию типа не-Q (‘этот спортсмен бывает сильнейшим и на Олимпиаде’). Данные две ситуации связаны опосредованно: они обусловлены общим фактором, а именно высоким уровнем мастерства спортсмена. Иными словами, в пресуппозиции подобных фраз выражен следующий смысл:

(10) ‘существует некоторая ситуация, которая обычно влияет на имеющееся положение дел; в результате обычно имеют место ситуация типа Р и ситуация типа не-Q’.

Данный смысл можно выразить с помощью союза *если*, ср.

(10а) ‘существует некоторая ситуация, которая обычно влияет на имеющееся положение дел; в результате если имеет место ситуация типа Р, то имеет место ситуация типа не-Q’.

Сравни аналогичный пример:

(11) *По физике он получил двойку (Р), но математику сдал лучше всех (Q).*

Обычно если человек плохо сдает какой-то экзамен (ситуация типа Р), он и другие экзамены по аналогичным предметам сдает не лучшим образом (ситуация типа не-Q). Однако в данном случае Р не порождает Q: обе эти ситуации обусловлены некоторой третьей, неназванной ситуацией (‘плохая подготовка субъекта, его небольшие способности’). Пресуппозиция данного высказывания тоже имеет вид (10) (10а).

Важно, что в случае обусловленности двух ситуаций Р и Q каким-то третьим фактором, союз *если* уже не вводит ситуацию-условие (она остается невыраженной) –

он просто указывает на сопутствование двух ситуаций. Поэтому для данных высказываний справедливо следующее квазисинонимическое преобразование:

(12) Обычно если P , то $Q \approx$ Обычно если Q , то P .

Ср. Обычно если спортсмен выигрывает чемпионат Европы (P), он и на Олимпиаде входит в число сильнейших (Q) $\approx$ Обычно если спортсмен входит в число сильнейших на Олимпиаде (Q), он выигрывает и чемпионат Европы (P); Обычно если ученик получает двойку по физике (P), он и математику сдает плохо (Q) $\approx$ Обычно если ученик плохо сдает математику (Q), он и физику сдает плохо (P).

Подчеркнем, что союз *если* и в этих высказываниях выражает каузальную зависимость между ситуациями. Однако в данном случае существование ситуаций P и Q обусловлено некоторой третьей ситуацией, и благодаря этому в данном классе высказываний союз *если* приобретает определенное поверхностное сходство с симметричными предикатами.

Это свойство союза *если* очень последовательно отражается в высказываниях с союзом “но ненормального следствия” типа (9), выражающих пресуппозицию типа (10а). Они допускают аналогичное симметричное преобразование:

(13) P , но $Q \approx Q$, но P .

Ср. Он неоднократно выигрывал чемпионат мира (P), но ни разу не стал победителем Олимпиады (Q) – Он ни разу не стал победителем Олимпиады (Q), но неоднократно выигрывал чемпионат мира (P); По физике он получил двойку (P), но математику сдал лучше всех (Q) – Математику он сдал лучше всех (Q), но по физике получил двойку (P).

Союз *но* ведет себя здесь как симметричный предикат по единственной причине – в пресуппозиции данных высказываний выражена каузальная зависимость не одной ситуации от другой, а двух ситуаций от какой-то третьей.

Строго говоря, в примерах (9), (11) представлена особая лексема союза *но*. Ее можно условно назвать “но двух следствий” (лексема *но* 1.3).

3.2. Лексема “но логическое”. Второй случай, к которому неприменимо толкование (I), представлен фразами типа

(14) Во всех окнах горел свет (P), но в квартире никого не было (Q).

В данном случае ситуация P тоже, очевидно, никак не влияет на имеющееся положение дел. Наоборот, она сама обычно бывает обусловлена тем, что в квартире есть люди (т.е. ситуацией не- Q). Сравни “канонический” пример:

(15) В квартире никого не было (P), но во всех окнах горел свет (Q).

На наш взгляд, фразы (14) и (15) различаются приблизительно так же, как примеры внутри следующих пар. Ср.

(16а) Все окна заляпаны краской (P), потому что в доме идет ремонт (Q);

vs.

(16б) разг. В доме идет ремонт (P), потому что все окна заляпаны краской (Q).

(17а) Если отец задерживается на работе (Q), ужинают без него (P);

vs.

(17б) Если ужинают без отца (Q), (значит) он задерживается на работе (P).

Рассмотрим это различие внимательнее.

В примерах (а) ситуация, вводимая союзом, т.е. выраженная придаточным, является причиной ситуации, выраженной главным предложением: идет ремонт, и из-за этого окна в краске; из-за того, что отец на работе, ужинают без него. Пример (б) устроен сложнее. Возьмем для определенности фразу (16б): здесь ситуация, вводимая союзом, т.е. ситуация ‘все окна заляпаны краской’, обуславливает не саму вторую ситуацию как таковую (‘в доме идет ремонт’) – это было бы абсурдом, а умозаключение о существовании этой ситуации, т.е. о том, что идет ремонт: говорящий понимает, что в доме ремонт, потому что видит окна, заляпанные краской. Точно так же говорящий понимает, что отец задерживается на работе, потому что видит или знает, что ужинают без него. При этом соответствующий смысл может быть выражен вполне эксплицитно; ср. Я считаю, что в доме ремонт, потому что все окна в краске; Я знаю, что если

ужинают без отца, то значит он задерживается на работе. Как отразить различие между примерами (а) и (б)?

Хорошо известно, что семантическая структура высказывания состоит из объектов разной природы. В частности, в ней выделяются диктум (собственно содержание высказывания) и модус (позиция говорящего), так что высказывание типа *Идет дождь* представляется следующим образом: “Я констатирую [модус]: идет дождь [диктум]” [Балли 2001]. Очевидно, что в примерах (а) союз связывает диктальные части главного и придаточного предложения: “ситуация Q обуславливает существование ситуации Р”. Что касается примеров типа (б), то в них союз связывает модус главного с диктумом придаточного: “ситуация Q обуславливает мое умозаключение: имеет место Р” (см. об этом работу [Арутюнова 1970]). Многочисленные примеры подобного употребления разных союзов рассматриваются в книге [Падуцева 1985: 46 и сл.].

Поскольку в примерах (б) союзы *потому что* и *если* описывают умозаключения субъекта, а не реальные связи между ситуациями, то будем говорить, что в высказываниях типа (б) представлено “логическое *потому что*” и “логическое *если*”. (Заметим, что существует и “логическое *хотя*”, ср. *Хотя все окна в доме заляпаны краской, ремонт давно кончился*; см. об этом в работе [Урысон 2003].)

Вернемся к примерам (14) и (15) с союзом *но*. Очевидно, что (15) ничем не отличается от основной массы примеров, рассмотренных выше. Что касается высказывания (14) *Во всех окнах горел свет (Р), но в квартире никого не было (Q)*, то в нем представлен союз *но*, который по аналогии с “логическим *потому что*” и “логическим *если*” можно назвать “*но* логическое”. Действительно, существование ситуации Р отнюдь не препятствует существованию ситуации Q – оно противоречит естественному умозаключению: ‘имеет место Q’. Пресуппозиция высказываний с “*но* логическим” выглядит так:

(15а) [*Во всех окнах горел свет (Р), но в квартире никого не было (Q)*]: ‘обычно ситуация типа Q влияет на имеющееся положение дел; в результате если имеет место ситуация типа Q, то имеет место ситуация типа не-Р; на основании этого правильно считать: если имеет место ситуация типа Р, то имеет место ситуация типа не-Q’⁶.

Строго говоря, “*но* логическое” – это особая лексема союза *но* (лексема *но* 1.4).

“*Но* логическое” можно усматривать и в следующих высказываниях: *Ласточки летают низко (Р), но дождь не собирается (Q)*; *Закат опять багровый (Р), но ветер не меняется (Q)* и т.п. Пресуппозиция этих примеров может быть такой. ‘Обычно ситуация Q [устойчивая хорошая погода, дождь не собирается] влияет на имеющееся положение дел [в частности, на поведение ласточек], и в результате имеет место ситуация не-Р [ласточки летают высоко]; на основании этого правильно считать: если Р [ласточки летают низко], то не-Q [собирается дождь]’. Однако данные примеры допускают и иную интерпретацию: и полет ласточек (или цвет заката), и погода обусловлены некоторой третьей ситуацией, например какими-то процессами в атмосфере. Тогда данные высказывания содержат лексему “*но* двух следствий”. Возможность разных интерпретаций не делает эти высказывания неоднозначными: в любом случае их пресуппозиция содержит один и тот же, центральный компонент: ‘обычно если Р, то не-Q’.

Разберем еще один пример:

(18) *Его фамилия Вернер (Р), но он русский (Q)*.

Фамилия и национальность входят в число тех атрибутов человека, которые передаются субъекту от его родителей, а тем – от их родителей и т.п. Тем самым можно считать, что данные атрибуты обусловлены некоторой третьей ситуацией – они зависят от того, к какой большой группе принадлежит данный человек, его родители и предки. Тогда пресуппозиция данного высказывания может быть представлена так: ‘существует нечто, что определяет фамилию человека и его национальность; в результате если имеет место ситуация типа Р [здесь: нерусская фамилия], то имеет

⁶ Ср. логический “закон контрапозиции”: $Q \rightarrow \text{не-Р} \equiv \text{Р} \rightarrow \text{не-Q}$.

место ситуация типа не-Q [здесь: национальность – не русский]'. При такой интерпретации примера (18) в нем представлена лексема "но двух следствий".

Однако в данном случае дело обстоит сложнее. Существует некоторое множество фамилий, которые присущи людям данного народа, поэтому фамилия человека в определенной степени зависит от его национальности, но не наоборот. При такой интерпретации в (18) выступает лексема "но умозаключения". Действительно: 'обычно ситуация типа Q [субъект – русский] влияет на другие атрибуты данного субъекта; в результате если имеет место ситуация типа Q, то имеет место ситуация типа не-P [нерусская фамилия]; на основании этого правильно считать: если имеет место ситуация типа P [нерусская фамилия], то имеет место ситуация типа не-Q [человек – русский]'.

Какое из двух описаний предпочтительнее? На наш взгляд, данные интерпретации не противоречат друг другу. Перед нами обычный промежуточный случай употребления лексем: в данном контексте одновременно присутствуют семантические компоненты и лексемы "но двух следствий", и лексемы "но логическое".

Существенно следующее: во всех разобранных случаях с союзом *но* первый сочиненный компонент вводит некоторое ожидание. Так, в высказывании (18) *Его фамилия Вернер, но он русский* первая пропозиция вводит ожидание: 'он нерусский'. В высказывании (14) *Во всех окнах горел свет, но в квартире никого не было* первый компонент вводит ожидание 'в квартире в этот момент были люди'. В примере (9) *Иван сумел выиграть чемпионат Европы, но на Олимпиаде не вошел даже в шестерку сильнейших* первый сочиненный компонент индуцирует ожидание 'Иван будет одним из сильнейших на Олимпиаде'. Вторая пропозиция, вводимая союзом *но*, опровергает это ожидание.

Обратим внимание на то, что описание всех выделенных лексем союза *но* не умещается в рамки собственно лексической семантики. Толкование лексем "но ненормального следствия", "но противодействия" и "но двух следствий" включает в себя отсылку к знанию о мире, а представление "но логического" – еще и фрагмент логики умозаключений.

4. ПОДРОБНЕЕ ОБ "ОБМАНУТОМ ОЖИДАНИИ"

Рассуждая о союзе *но*, мы все время говорили об "обманутом ожидании". Между тем, в приведенном толковании лексемы *но 1.1* (равно как и в толкованиях близких лексем "но противодействия", "но двух следствий", "но логического") нет никаких указаний на чье-либо ожидание какого-то события – говорится только об обычном влиянии той или иной ситуации на положение дел и о результате этого влияния. Имеет ли "обманутое ожидание" хоть какое-нибудь отношение к семантике?

Ясно, что любая ситуация воспринимается и осмысливается человеком в широком контексте, на фоне общих знаний о мире. Попытаемся представить, как может быть организовано это "общее знание" и как оно участвует в процессе осмысления действительности.

Логично предположить, что если ситуация P (например 'сегодня у нас весь день дождь') по каким-то причинам вычленяется субъектом из континуума окружающей действительности, то она уже отождествлена с неким фрагментом "общего знания", с представлением некоторой типовой ситуации (ср. 'дождливая погода'), хранящимся в "долговременной памяти" и извлеченным оттуда в "оперативную память", в сознание⁷. Можно считать, что представление типовой ситуации записано в сознании в виде фрейма, в котором зафиксированы связанные с этой типовой ситуацией "сценарии" (например 'в дождь люди могут вымокнуть', 'в дождливую погоду люди ведут себя так, чтобы не вымокнуть: берут с собой зонт, надевают такую-то одежду и обувь' и т.п.). Фреймы и сценарии составляют "обиходную" энциклопедию носителей языка⁸.

⁷ "Восприятие неотделимо от концептуального содержания сознания" [Апутьюнова 1988: 305].

⁸ Подробнее о представлении знаний см. в работах [Minsky 1975; Sperber, Wilson 1986].

Представление какой-то ситуации индуцирует, актуализирует в сознании определенный сценарий (сценарии): у субъекта возникает “ожидание” положения дел, соответствующего сценарию. Очередная ситуация Q (например ‘Коля не взял зонт’), вычленяемая и осмысляемая субъектом, может соответствовать этому “ожиданию”, а может противоречить ему, причем сценарный ход событий считается нормальным, а противоречие сценарию – отклонением от нормы.

Вернемся к толкованию (I) союза *но*. Оно содержит, в качестве пресуппозиции, следующий компонент: ‘[iii, пресуппозиция] обычно ситуация типа Р влияет на имеющееся положение дел; в результате если имеет место ситуация типа Р, то имеет место ситуация типа не-Q’ [аналогичный компонент входит и в модификации толкований, ср. (10a), (15a)]. По существу, этот компонент значения союза одновременно является и фрагментом “обиходной энциклопедии”. Данный фрагмент задан в очень обобщенном виде и благодаря этому служит указателем, входом в энциклопедию. Следующий шаг – это узнавание в ней нужной типовой ситуации (фрейма) и нахождение нужного сценария. Моделирование этого шага представляет собой отдельную проблему, на которой мы сейчас останавливаться не будем. Важно, что на основе сценария у субъекта формируется определенная настроенность сознания, ментальная готовность к восприятию определенной информации: “зная или предполагая, что Р, субъект настраивается на то, что не-Q”. Далее эта настроенность оказывается ненужной: ожидание обманывается.

Какой-то подобный процесс имеет место при порождении речи, т.е. при синтезе высказывания. Но так можно моделировать и процесс понимания речи, т.е. анализ высказывания (в отличие от субъекта речи, адресат не “вычленяет” ситуации Р и Q, а получает их представление в уже упакованном виде от говорящего)⁹.

Поскольку человеку свойственно замечать необычное, то несоответствие сценарию, отклонение от нормы, обычно маркируется [Арутюнова 1988]. Хорошо известно, что одним из языковых средств, обозначающих наличие такого отклонения, является союз *но*. Однако он одновременно указывает и на определенную, но оказавшуюся “неправильной” ментальную готовность субъекта, на “обманутое ожидание”.

Указание в толковании союза *но* на несоответствие сценарию вполне привычно: тот факт, что правильное употребление союза *но* требует не только языковых, но и общих, “энциклопедических” знаний, давно и хорошо известен (см. работы [Левин 1970; Санников 1989]; из недавних работ упомянем статью [Kitis 2000]).

А что представляет собой “обманутое ожидание”? Нужно ли выделять соответствующий компонент в значении союза?

На первый взгляд, кажется, что – нет. В самом деле, приведенные рассуждения о “ментальной готовности” субъекта относятся к процессу обработки “обиходной” энциклопедии при синтезе или анализе высказывания. Что касается лексической семантики, то “обманутое ожидание” как будто не имеет к ней никакого отношения и ни в каком виде не должно включаться в значение союза *но*.

Однако существуют многочисленные контексты, где употребление союза *но* не объясняется с точки зрения энциклопедии. Но они легко интерпретируются, если принять, что в семантику этого союза входит указание на “обманутое ожидание”. Соответствующий компонент обеспечивает четкую семантическую связь между разными значениями (и употреблениями) *но*.

⁹ См. в связи с этим книгу М.В. Ляпон, в которой, на материале союзов, а также единиц *ведь*, *дело в том, что*; *сам понимаешь* и т.п., рассматривается вопрос о восприятии информации адресатом и о прогнозировании этого восприятия говорящим. При этом моделирование реального восприятия адресатом какого-либо текста представляет собой отдельную проблему. Здесь, с одной стороны, новая порция информации актуализирует тот или иной сценарий, благодаря чему у слушающего возникает ментальная готовность к информации об определенном положении вещей. С другой стороны, у слушающего возникают определенные ожидания, связанные с закономерностями организации самого повествования [Ляпон 1986].

Некоторые высказывания с союзом *но* вряд ли поддаются естественной интерпретации в рамках “обиходной энциклопедии”. *Но* выражает в этих примерах какое-то весьма общее значение, которое, впрочем, осложняется мелкими дополнительными компонентами. Рассмотрим примеры, разделив их на классы в зависимости от дополнительных компонентов в значении союза. Для удобства описания естественно принять, что в каждом типе примеров представлена особая лексема союза *но* (хотя все лексемы союза *но* из этих примеров объединяются в общий блок весьма близких единиц).

5.1. Лексема “*но* изменения на противоположное”. Она представлена в заголовке раздела 5. Сравни также следующие примеры:

(19) *Казалось, дождь будет идти бесконечно. Но он кончился;*

(20) *Всю неделю не было ни ветерка, но потом погода стала меняться;*

(21) *Они [шторы] когда-то были зелеными, но пожелтели от солнца* (Тургенев, пример из книги [Санников 1989]);

(22а) *С утра больному стало лучше, но к вечеру температура у него опять поднялась* (модифицированный пример из книги [Санников 1989]).

На первый взгляд, союз *но* в подобных случаях маркирует то же “ненормальное следствие”, что и в случаях выше. Единственное отличие данных примеров от (1)–(18) состоит в том, что здесь речь идет о нарушении несколько иных “норм”, иных сценариев. Они представляют собой не привычные законы здравого смысла, а нечто другое. Это “некоторые общие принципы, с которыми говорящий вынужден считаться, хотя, будучи осознаны, они в применении к конкретной ситуации могут показаться ему странными” [Санников 1989: 162]. Эти общие принципы сформулированы в цитируемой нами книге [Санников 1989].

Один из них – принцип статичности: “Мир, окружающий человека, устойчив к изменению. Исчезновение чего-то имеющегося и / или возникновение чего-то нового – ненормальность (и указание на такое изменение вводится союзом *но*)” [Санников 1989: 162]. Ср. примеры (19)–(21).

Другой принцип таков: “если наметилось какое-то отклонение, то нормально движение в том же направлении” [Санников 1989: 162]. Нарушение этого принципа тоже обозначается союзом *но*. Сравни (22), а также следующие аналогичные примеры:

(23а) *Клубок покатился по полу, но остановился у порога* (пример из книги [Санников 1989]).

(24а) *Он встал, но опять упал.*

(25а) *Было очень тяжело на душе, но потом я постепенно пришел в себя.*

Мы согласны с тем, что в примерах (19)–(25а) союз *но* иллюстрирует какие-то общие принципы, которые, с одной стороны, не осознаются говорящим, а с другой стороны, навязывают ему употребление союза *но*. Однако на наш взгляд, эти принципы не имеют отношения ни к “наивной картине мира”, ни к “обиходной энциклопедии” – они описывают не языковое представление об устройстве мира, а нечто совершенно иное.

Прежде всего, мы не находим никаких других свидетельств того, что в языке мир предстает устойчивым к изменениям. Напротив, существует специальный союз *то...то*, который служит для обозначения достаточно быстрой смены ситуаций, однако не содержит в своем значении никакого указания на ненормальность подобных изменений. Ср. *То начинался дождь, то опять светило солнце*.

Не считается отклонением от нормы и “смена направления наметившегося движения”. Так, следующие высказывания хотя и описывают то же положение дел, что и (22)–(25), но подают его как вполне нормальное. Ср.

(22б) *С утра больному стало лучше. К вечеру температура у него опять поднялась.*

(23б) *Клубок покатился по полу и остановился у порога.*

(246) Он встал и опять упал.

(256) Было очень тяжело на душе. Потом я постепенно пришел в себя.

Тем не менее интуиция подсказывает, что союз *но* в случаях (19)–(25а) тоже маркирует нечто вроде обманутого ожидания. Но ожидание это вызвано не языковым представлением об “устойчивости мира”, а устройством человеческого сознания.

На наш взгляд, не мир устойчив к изменениям – инерционно сознание человека. Зафиксировав в сознании ситуацию Р, субъект может в каком-то смысле привыкнуть к ней, “настроиться” на данное положение дел, и тогда прекращение этой ситуации или начало другой, противоположной ситуации Q, заставляет сознание изменить эту свою настроенность, “переключиться”. Это неожиданное для самого субъекта изменение настроенности, “переключение сознания” и обозначается союзом *но*.

Мы сталкиваемся здесь с той же ментальной готовностью, с той же “настроенностью” сознания на определенную информацию, что и в случаях с “*но* ненормального следствия” или “*но* противодействия”. Однако в данном случае эта “настроенность” создается не знанием “жизненных сценариев”, а самим человеческим сознанием, его инерционностью.

Однако данная лексема союза *но* вводит не любую ситуацию Q, отличную от ситуации Р: требуется, чтобы ситуация Q была однотипна ситуации Р, в частном случае – противоположна ей. Ср. ‘быть зеленым’ – ‘стать желтым’ [однотипные ситуации], ‘дождь’ – ‘хорошая погода’; ‘отсутствие изменений’ – ‘наличие изменений’; ‘начать двигаться’ – ‘перестать двигаться’; ‘стало лучше’ – ‘стало хуже’; ‘плохое состояние’ – ‘нормальное состояние’ и т.п. Можно считать, что перед нами сочетаемое свойство союза *но*. Но не исключено, что данная информация относится к семантике союза, и тогда обсуждаемая лексема *но* указывает еще и на однотипность или “противоположность” ситуаций Р и Q.

5.2. Лексема “но противоположной оценки”. Она представлена в следующих примерах:

(26) *Квартира большая (Р), но окна выходят прямо на шоссе (Q).*

(27) *Он способный (Р), но ленивый (Q).*

(28) *Она некрасивая (Р), но умная (Q).*

В цитируемой книге В.З. Санникова подобные примеры приводятся как иллюстрация особого языкового представления о норме и, следовательно, о мире. Это принцип гармоничности. “Нормально, когда признаки того или иного предмета или явления относятся к одному полюсу (оба – к положительному или оба – к отрицательному), ср. *Она красивая и умная, Она некрасивая и глупая*. Ненормально (и выражается союзом *но*) сочетание противоположных полюсов, ср. *Она красивая, но глупая, Она некрасивая, но умная*” [Санников 1989: 163].

На наш взгляд, “принцип гармоничности” не имеет отношения к языковому представлению о норме. Действительно, сочетание противоположных полюсов необязательно маркируется союзом *но*. Так, одинаково нормальны сочетания *красивое холодное лицо* [противоположные оценки] и *отвратительное холодное лицо* [одинаковые оценки]; *умные наглые глаза* [противоположные оценки] и *глупые наглые глаза* [одинаковые оценки]. Следующее высказывание тоже совершенно нормально, хотя содержит две противоположные оценки одного объекта: *Некрасивые девушки обычно бывают умными*. Заметим, что некоторые оценочные контексты (в которых, правда, указываются не “полюса” признаков, а просто отрезки шкалы), наоборот, содержат *но*, однако вряд ли можно считать, что описываемая ими ситуация чем-то отклоняется от нормы. Ср. *Этот дом больше нашего, но меньше соседского; Петя учится немного лучше Кати, но хуже, чем Ваня*.

Мы предлагаем для примеров типа (26)–(28) ту же интерпретацию, что и для (19)–(25а).

Зафиксировав первую – положительную или отрицательную – оценку Р объекта, сознание “настраивается” на соответствующую (хорошую или плохую) общую его оценку. Не исключено, что это обусловлено психологией – человеку свойственно оценивать объект глобально: или он хороший – и тогда в нем нет ничего плохого, или, на-

оборот, он плохой и в нем нет ничего положительного. Однако затем сознание вынужденно переключается на противоположную оценку Q. Это неожиданное изменение “настроенности сознания” и обозначается союзом *но*. Иными словами, мы имеем здесь дело с тем же “обманутым ожиданием”, что и в случаях выше¹⁰.

Существенно, что употребление союза *но* не обусловлено оценочной семантикой соединяемых слов как таковой. Дело в том, что оценка может быть ситуативной, так что слова, соединяемые *но*, могут вообще не содержать оценочного компонента: *Она брюнетка, но полная*. Это высказывание уместно в ситуации, когда, например, на какую-либо роль требуется изящная брюнетка, причем очередная кандидатура обладает лишь одним из двух требуемых признаков. В этой ситуации слово *брюнетка* наделяется смыслом ‘это хорошо, это подходит’, а слово *полный*, наоборот, наделяется смыслом ‘это плохо, это не подходит’. Между тем и слово *брюнетка*, и лексема *полный* сами по себе нейтральны и никакой оценки не выражают¹¹.

Как отмечает В.З. Санников, в подобных высказываниях оценки P и Q неравноправны: вторая оценка доминирует, “является решающей” [Санников 1989: 151]. Выбор решающей оценки может специально обыгрываться. Ср. юмористический монолог М. Жванецкого “*Вчера раков давали. Большие, но по пять рублей. Но большие. Но по пять рублей. Но о-чень большие*” с комментарием к нему в книге [Санников 1989: 247]. Указание на то, что вторая оценка перевешивает первую, создает специфику данной лексемы союза *но*.

5.3. Лексема “но метатекстовое”. В рамках нашего описания естественно интерпретируются и следующие высказывания с *но*:

(29a) *Морозы бывают (P), но редко (Q).*

vs.

(29b) **Морозы бывают, но часто* [нормально: и часто].

(30a) *Она болела (P), но недолго (Q).*

vs.

(30b) **Она болела, но долго* [нужно: и долго].

(31a) *Они поссорились (P), но не всерьез (Q).*

vs.

(31b) **Они поссорились, но всерьез* [нормально: и всерьез].

(32a) *Она ударила (P), но не очень сильно (Q).*

vs.

(32b) **Она ударила, но сильно* [нормально: и сильно].

В.З. Санников приводит эти примеры как иллюстрацию следующего принципа. “Нормальна высокая степень проявления признаков ситуации. Поэтому характеристики типа *много, долго* и т.п. считаются нормальными и вводятся союзом *и*, а характеристики типа *мало, недолго, недалеко, редко, несильно* и т.п. считаются ненормальными и вводятся союзом *но*” [Санников 1989: 163].

На наш взгляд, дело и здесь не в языковом представлении об устройстве мира (мы не находим в языке никаких других свидетельств существования данного принципа), а в той же инерционности человеческого сознания. Действительно, стандартное продолжение примера (27a), скорее всего, будет таким:

(29в) *Морозы бывают (P), но редко. Обычно температура не опускается ниже двух градусов.*

¹⁰ Не исключено, что специальное указание на противоположность оценок (равно как и некоторые модальные значения), т.е. выбор сочинительного союза добавляется к уже “собранной” конструкции с однородными членами на каких-то последних этапах; ср. [Сигал 2004: 376, 381].

¹¹ Прагматичность оценки в конструкции *P, но Q* подробно разбирается в работе [Kitis 2000].

Иными словами, пропозиция Р – о морозах, но дальнейший текст – не о них, а наоборот, о том, что всю зиму их нет. Восприняв (зафиксировав) Р, сознание “настраивается” на продолжение о морозах, однако вынуждено переключиться на противоположную информацию. В подобных случаях у союза *но* явна метатекстовая функция, т.е. функция разметки текста – перед нами особый сигнал, своего рода предупреждение о неожиданной информации.

Специфика данной лексемы *но* – не только в значении, но и в синтаксическом поведении: *но* здесь “отъединяет” обстоятельство от его синтаксического хозяина – и этим отличается от нормальных сочинительных союзов, которые соединяют предложения или однородные члены.

Интересно, что у союза *но* есть еще как минимум одна метатекстовая лексема. Она фиксируется, в частности, в [СУш] и в [MAC]. Сравни пример из [СУш]: *Но пора читателя познакомить с настоящим героем моей повести* (Пушкин). По [СУш] эта лексема “обозначает переход к другой теме”. Метатекстовая функция союза *но* описана И.Н. Кручининой: “Союз *но* указывает на конец развития определенного сюжета или мотива: *Молодость ест пряники золоченые да думает, что это и есть хлеб насущный; а придет время – и хлеба попросишься. Но толковать об этом не для чего* (Тургенев) [Кручинина 1988: 83]. Строго говоря, данная метатекстовая лексема *но* представляет собой фразовую частицу: она обычна в абсолютном начале высказывания.

5.4. Лексема “но неприятия”. В заключение рассмотрим следующие примеры:

(33а) *Иван возвращается. Печально (Р), но факт.*

vs.

(33б) *Иван возвращается. * Прекрасно, но факт.*

(34а) *Она смертельно больна. Это ужасно (Р), но это так.*

vs.

(34б) *Слава Богу, она поправляется. * Это замечательно, но это так.*

В.З. Санников комментирует подобные примеры следующим образом. “Считается, видимо, нормальным, когда происходит нечто хорошее, а плохое рассматривается в языке как ненормальность. В силу этой оптимистичности языка указание на истинность неприятного события считается ненормальным и вводится союзом *но*” [Санников 1989: 166]. Мы, однако, не располагаем никакими другими свидетельствами того, что неприятные события трактуются языком как ненормальные. На наш взгляд, союз *но* и здесь маркирует нечто, относящееся не к описываемой действительности, а к человеческому сознанию. Человек не готов к восприятию плохого – его сознание “настроено” на хорошее, и в результате субъекту трудно примириться с некоторыми вещами. Необходимость изменить “настроенность сознания”, принять плохое обозначается союзом *но*.

Более точно, специфика примеров (33а—34б) состоит в следующем. Речь в них идет о том, что ситуация типа Р влияет на внутреннее, эмоциональное состояние субъекта – обычно, когда имеет место нечто печальное, ужасное и т.п., субъект испытывает отрицательные эмоции. В результате человек обычно не хочет принимать это объективное положение дел, как бы отталкивает неприятную информацию. У него формируется некое “ожидание” типа: “описанная ситуация, характеризующаяся как Р, не имеет место”. Это ожидание опровергается. Сравни лексему “но логическое”, которая тоже предполагает влияние некоторой ситуации не на положение дел как таковое, а на ментальное состояние субъекта – на его умозаключение. Что касается хороших (для субъекта) событий, то восприятие их не наталкивается ни на какое противоположное ожидание. Поэтому аномальны высказывания типа **Прекрасно, но факт, *Это замечательно, но это так*.

Во всех случаях, рассмотренных в данном разделе, союз *но* маркирует “обманутое ожидание”. Однако по своей природе оно отличается от “обманутого ожидания”, описанного в разделах 2 и 3. В примерах из этих разделов “ожидание” обусловлено общими представлениями человека об устройстве мира, т.е. “обиходной энциклопе-

дией” (фреймами и сценариями). А в случаях (19)–(34) оно обусловлено инерционно-стью самого человеческого сознания и никак не связано с фоновым знанием.

6. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЯДРО СОЮЗА *НО*

Все рассмотренные выше случаи употребления *но* можно описывать, исходя исключительно из идеи “обманутого ожидания” – при таком подходе наш союз оказывается моносемичным. Существенно, что “обманутое ожидание” – это единственный компонент семантики данного союза, который объединяет все его значения. Тем самым, он должен быть включен в семантическое представление союза *но*.

Какова лингвистическая природа этого компонента? Для ответа на этот вопрос требуется прежде всего подобрать лексику для его обозначения.

Заметим, однако, что обсуждаемая “настроенность сознания”, т.е. ментальная готовность субъекта к получению определенной информации – это отнюдь не то внутреннее состояние, которое как-то замечается субъектом, в котором человек отдает себе отчет. Данное ментальное состояние, по-видимому, вообще не фиксируется субъектом – подобно тому, как в сознании в нормальном случае не фиксируется процесс порождения высказывания. Выше мы назвали это состояние ожиданием, и это действительно самое подходящее слово для его обозначения. Однако в подобном контексте его семантика очень размыта. Дело в том, что слово *ожидание* как таковое слишком богато для выражения обсуждаемого смысла. Действительно, глагол *ожидать* в требуемом значении толкуется так: *ожидать* I = ‘предполагать с достаточно большой долей уверенности, что нечто случится в обозримом будущем’ [Апресян 2004а]. Но в нашем случае речь идет не о том, что субъект что-то предполагает, считает или думает. Рассматриваемые высказывания с союзом *но* чаще всего вообще не предполагают какого-либо мнения субъекта. Сравни описания погоды типа *Долго стояла хорошая погода, но потом зарядил дождь* – вряд ли субъект подобного высказывания считал, что хорошая погода будет стоять всегда. Быть может, субъект не ждал, что погода изменится? Это тоже не так – сравни следующий пример: *Дождь лил третий день. Мы каждый час выходили на крыльцо, смотрели на небо. Казалось, дождь никогда не кончится. Но он кончился*.

Применительно к подобным случаям точнее было бы говорить о “привыкании” сознания к чему-либо, но и предикат ‘привыкнуть’ слишком богат для отражения обсуждаемого смысла и поэтому не может быть использован в семантическом представлении рассматриваемых примеров: высказывание типа *Весь день шел дождь, но к вечеру он кончился*, конечно, не выражает смысла ‘субъект привык к дождю’. (См. описание глагола *привыкнуть*, данное Ю.Д. Апресяном в НОСС [Апресян 2004б].)

Быть может, в значении союза *но* входит семантический компонент ‘неожиданно’? Тогда этот союз можно было бы истолковать так: *P, но Q* = ‘имеет место P; неожиданно для говорящего или адресата имеет место Q’. Однако компонент ‘неожиданно’ толкуется через предикат ‘ожидать’. Сравни толкование слова *неожиданно*, в [НОСС] (приводим в упрощенном виде): *неожиданно* P = ‘говорящий или наблюдатель не ожидал, что будет P’ [Левонтина 2004]. А лексема ‘ожидать’, как мы уже отмечали, не подходит для выражения требуемого смысла.

Для обозначения обсуждаемого ментального состояния мы употребили еще слова *настроенность*, *настраиваться на что-л.*, но и они неисчислимо богаче семантики союза *но*, поскольку тоже предполагают хорошо ощущаемое контролируемое ментальное действие.

Обсуждаемая готовность субъекта к некоторой информации относится к каким-то элементарным, не замечаемым формам деятельности сознания. Можно думать, что по этой причине в языке просто не существует подходящего слова для ее обозначения.

Итак, по нашему мнению, обсуждаемый компонент семантики союза *но* не может быть точно обозначен каким-либо предикатом естественного языка – он мельче да-

же семантических примитивов. Строго говоря, “обманутое ожидание” – это не более чем удачная метафора для выражения искомого смысла.

Можно описать обсуждаемый компонент по-другому – выйдя за рамки собственно лингвистического рассуждения и апеллируя к деятельности сознания. Однако в любом случае полученное описание ядерного компонента *но*, как и всей семантики этого союза, не будет дефиницией в строгом смысле слова: дефиниция, или толкование, лексемы по определению должно быть высказыванием, содержащим лексемы, более простые, чем описываемая. Ясно, однако, что как метафора типа “обманутое ожидание”, так и указание на деятельность сознания сами по себе гораздо богаче значения служебного словечка *но*.

Мы можем предложить следующее, условное описание семантики ядерного компонента союза *но*.

(III) *Р, но N [Эти шторы были зелеными (Р), но потом порыжели (N)] =*

- (i) “имеет место ситуация Р; субъект воспринимает Р;
- (ii) сознание субъекта настроено на дальнейшее восприятие Р;
- (iii) имеет место ситуация N;
- (iv) сознание субъекта вынуждено изменить свою настроенность;
- (v) субъект воспринимает N”.

Данное выражение не удовлетворяет известным требованиям к представлению значения или компонента значения лексемы (см. о них [Апресян 1974]), поэтому мы намеренно заключаем его в обычные, не марровские кавычки.

Еще раз отметим, что семантическое ядро союза *но* не поддается обычному толкованию. Более того, естественный язык не располагает словами для его обозначения. В работе [Урысон 2004б] мы предложили называть такие принципиально невербализуемые компоненты “семантическими фотонами”. Семантические фотоны отчасти подобны кваркам Ю.Д. Апресяна. Различие между этими единицами в том, что кварк, вообще говоря, может обозначаться какой-то лексемой [Апресян 2004в], а для фотона это исключено.

Семантика реальной лексемы (или употребления) союза *но* состоит из ядра (III) и некоторых дополнительных компонентов, которые мы пытались описать выше. В частности, значение “*но* ненормального следствия” может быть представлено так:

(IIIа) *День был дождливый (Р), но Коля не вымок (N) =*

- (i) “имеет место ситуация Р; субъект воспринимает Р;
- (ii) сознание субъекта настроено на дальнейшее восприятие Р или на восприятие ситуации не-N, обусловленной ситуацией Р;
- (iii) имеет место ситуация N;
- (iv) сознание субъекта вынуждено изменить свою настроенность;
- (v) субъект воспринимает N”.

Союз *но* неслучайно не поддается обычному толкованию: в отличие от “нормальных” слов, он не имеет отношения к концептуализации в языке каких-либо представлений, в частности представлений о мышлении – перед нами не фрагмент “наивной психологии”, а гораздо более прямое указание на какую-то элементарную форму деятельности сознания.

Неожиданную параллель нашей интерпретации союза *но* мы находим в психологии, причем в работах, посвященных не языковой способности, а функционированию человеческого сознания. Как экспериментально показал Д.Н. Узнадзе, если человек в течение некоторого промежутка времени воспринимает определенные объекты (например, получает в руки шары определенного веса и объема), у него в сознании формируется установка на последующее восприятие таких же объектов [Узнадзе 1966]. Наличие этой установки объясняет многие “иллюзии” восприятия, известные психологам еще со второй половины XIX века. Стоит отметить, что для объяснения этих иллюзий была предложена “теория обманутого ожидания”, в соответствии с которой, воспринимая некоторые объекты, субъект “ожидает”, что он и далее будет воспринимать такие же объекты [Узнадзе 1966: 145]. Однако опыты Д.Н. Узнадзе показали,

что в отличие от состояния ожидания установка не осознается субъектом и, следовательно, “не является содержанием сознания” – она относится к сфере “досознательного” [Узнадзе 1966: 152], “внесознательного” [Узнадзе 1966: 149]. “Установка <...> представляет собой состояние, которое, не будучи само содержанием сознания, все же оказывает решающее влияние на его работу” [Узнадзе 1966: 179]. По мнению Д.Н. Узнадзе, “не существует никаких восприятий без наличия соответствующих установок” [Узнадзе 1966: 155].

Если это так, то установка имеет место и при восприятии текста, причем восприятие даже одного высказывания предполагает сложный процесс возникновения и смены установок. Однако порождение и восприятие текста – это гораздо более сложный процесс, чем физическое восприятие объектов, а потому можно думать, что не только смена установок происходит здесь несколько иным образом (во всяком случае, без так называемых “иллюзий” восприятия), но и сами установки могут иметь какой-то другой характер. Не исключено, что можно говорить о степени неосознаваемости установок: настроенность сознания, возникающая при восприятии речи, хотя и не осознается субъектом в полной мере, но все же отличается от абсолютно неосознаваемых установок физического восприятия.

Попытаемся теперь интерпретировать различие между примерами типа:

(23а) *Клубок покати́лся по полу, но остано́вился у поро́га.*

(23б) *Клубок покати́лся по полу и остано́вился у поро́га.*

Высказывание (23а) предполагает, что субъект воспринимает ситуацию (информацию) ‘клубок покати́лся’, и его сознание “настраивается” на нее. Изменение ситуации (‘клубок остано́вился’) вызывает “переключение” сознания, что и обозначается союзом *но*. Фраза (23б) предполагает, что субъект воспринимает ту же ситуацию (или информацию) ‘клубок покати́лся’, но при этом интерпретирует ее в достаточно широком смысле: ‘с клубком что-то происходит’. А эта общая ситуация не меняется – в результате сознание субъекта не “переключается”. Сравнение данных примеров демонстрирует, что восприятие даже самых простых вещей неотделимо от интерпретации: настроенность сознания обусловлена как воспринимаемым (‘клубок покати́лся’), так и его интерпретацией – более узкой, как в (23а), или более широкой (‘с клубком что-то происходит’), как в (23б).

В обычном толковом словаре, предназначенном для широкого читателя, возможны разные подходы к описанию союза *но*. От лексикографа требуется ясное и простое описание, удовлетворяющее языковой интуиции, а кроме того сформулированное в соответствии с принятыми соглашениями. Мы не ставили перед собой задачу подобного описания союза *но*. Предлагаемая работа преследует исключительно теоретическую цель: мы попытались показать, что при последовательном применении принципов Московской семантической школы к описанию союза *но* данный союз оказывается нетолкуемым. Для описания закономерностей его употребления естественно моделировать некоторые аспекты деятельности человеческого сознания.

На наш взгляд, некоторые другие союзы тоже указывают на какие-то элементарные “мыслительные операции”, для обозначения которых язык не располагает отдельными лексемами [Урысон 2004б]. Рассмотрим поэтому в самых общих чертах систему основных русских сочинительных союзов *и*, *а*, *но*.

ФРАГМЕНТ РЕГУЛЯРНОЙ ПОЛИСЕМИИ ОСНОВНЫХ РУССКИХ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ

Два союза – *но* и *а* – указывают на то, что субъект воспринимает не ту информацию, к которой он ментально готов, на которую “настроено” сознание. При этом союзы *а* и *но* делят данную область достаточно тонко.

Оба союза маркируют “обманутое ожидание”, индуцированное энциклопедическим знанием (фреймами и сценариями); ср. *День был дождливый, но <а> Коля не*

взял зонт. Семантические особенности, которыми различаются в этом случае *но* и *а*, описаны выше.

Оба союза маркируют и изменение “настроенности сознания” другого типа, когда эта “настроенность” сознания индуцирована не знанием, а устройством самого человеческого сознания. В этом случае *а* и *но* различаются следующим.

Союз *но* маркирует, прежде всего, смену ситуации. Ср. *Клубок покатился по полу, но остановился у порога* [настроенность на продолжение движения]; *Долго стояла хорошая погода, но потом зарядил дождь* [сознание было “настроено” на хорошую погоду]. К этому же классу мы относим и смену оценки. Ср. *Она красивая, но глупая*.

Союз *а* маркирует смену объекта, помещаемого в фокус. Данный союз указывает на смену темы (т. е. того, о чем сообщается; тема здесь – компонент актуального члена, противопоставленный реме); при этом требуется, чтобы новой теме соответствовала и новая рема. Ср. *Папа [T₁] на работе, а мама [T₂] ушла в магазин*; *Зимой [T₁] холодно, а летом [T₂] тепло*; *Сначала [T₁] погода была хорошая, а потом [T₂] начались дожди*. (Подробнее об этом см. работы [Крейдлин, Падучева 1974а, б].)

Кроме того, и союз *а*, и союз *но* маркируют изменение темы внутри фрагмента повествования. Метатекстовые лексемы союза *но* описаны выше. В частности, союз *но* маркирует полное изменение темы повествования; ср. *Но пора читателя познакомить с настоящим героем моей повести* (Пушкин; пример из [СУш]). Что касается союза *а*, то он обозначает смену всего лишь микротемы повествования (“поворот повествования”). Ср. *Васе предложили поработать в Новосибирске, а зима в том году была очень холодная* – здесь первая сочиненная пропозиция повествует о Васе, а вторая – о зиме [Урысон 2002б].

Союз *и*, в отличие от *но* и *а*, указывает на отсутствие “обманутого ожидания”: он употребляется, если положение дел соответствует “обиходной энциклопедии”, сценарию (ср. описание этого союза в работе [Левин 1970]). Ср. *День был дождливый, и Коля взял зонт*; *Мне стало холодно, и я закрыл форточку*. Союз и маркирует отсутствие “переключения сознания” и второго типа – он указывает на то, что сознание продолжает воспринимать информацию, однотипную данной, его “настроенность” не меняется¹². Ср. *Начался дождь и лил весь день*; *Клубок покатился по полу и остановился у порога* [последовательность событий]; *Она красивая и умная* [однотипные оценки]; *Морозы бывают, и часто* [продолжается информация о морозах].

Мы намеренно не касаемся здесь многих существенных деталей полисемии данных союзов. Нам важно показать, что у каждого из них есть значение, которое отражает какие-то элементарные формы деятельности сознания и которое поэтому не может быть истолковано обычным способом: эти “мыслительные операции” не контролируются и не замечаются субъектом, а потому в языке просто нет лексем для их обозначения. Указание на одну такую элементарную “мыслительную операцию” содержит союз *но*. На одну другую элементарную “операцию сознания” указывает союз *а* [Урысон 2004б].

Как это ни парадоксально на первый взгляд, подобные союзы семантически сближаются с первообразными междометиями – эмоциональными типа *ой!*, *ай!*, *ах!* и когнитивными типа *э!*, *эге!*. Действительно, союзы, как и междометия, оказываются сигналами “текущего ментального состояния субъекта” [Вежицкая 1999: 616]¹³. Однако в отличие от междометий, союзы обозначают не яркие состояния, которые хорошо ощущаются и замечаются субъектом, а какие-то неконтролируемые элементарные операции сознания. Этим объясняется совершенно различный синтаксис

¹² Аналогичную интерпретацию союза *и* находим у С.О. Карцевского: “*И* является сочинительным союзом непротивительным <...>. Он указывает на отсутствие перерыва, противопоставления, следовательно, обозначает непрерывность, аналогию” [Карцевский 1961: 131].

¹³ Подробнее см. одну из последних работ о междометиях [Шаронов 2002].

этих слов: междометия употребляются автономно, т.е. образуют высказывание, а союзы, наоборот, являясь служебными словами, привязанными к жесткому синтаксическому контексту.

Т.М. Николаева высказала предположение (устно), что первообразные сочинительные союзы, в частности *и*, *а* и *но*, не имеют этимологии. Они относятся к древнейшему фонду языка (см. об этом [Николаева 2003]). Интерпретация сочинительных союзов *и*, *а* и *но* как сигналов “текущего ментального состояния субъекта”, семантически близких междометиям, хорошо согласуется с этой гипотезой.

Предложенное описание союза *но* (равно как и подход к представлению семантики союзов *и* и *а*) вторгается в область психологии. Заметим, однако, что в когнитивной лингвистике описание того или иного языкового явления обязательно ориентировано на моделирование деятельности сознания. Это закономерно: ведь “язык делает возможным передачу информации от сознания говорящего к сознанию слушающего” [Чейф 1975: 241]. Неудивительно, что в языке обнаруживаются средства, предназначенные не для описания мира, а для маркировки каких-то аспектов деятельности сознания при восприятии и передаче информации. Одним из таких средств является союз *но* – это образец материала, который плохо укладывается в рамки “чистой” лингвистики, представляющей языковую семантику в виде замкнутой в себе логической системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974 – Ю.Д. *Апресян*. Лексическая семантика. М., 1974.
- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. О языке толкований и семантических примитивах // Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян 2001 – Ю.Д. *Апресян*. Значение и употребление // ВЯ. 2001. № 4.
- Апресян 2004а – Ю.Д. *Апресян*. Словарная статья “ЖДАТЬ” // НОСС. М.; Вена, 2004.
- Апресян 2004б – Ю.Д. *Апресян*. Словарная статья “ПРИВЫКНУТЬ 2” // НОСС. М.; Вена, 2004.
- Апресян 2004в – Ю.Д. *Апресян*. Акциональность и стативность как сокровенные смыслы (охота на *оказывать*) // Сокровенные смыслы. М., 2004.
- Арутюнова 1970 – Н.Д. *Арутюнова*. Некоторые типы диалогических реакций и “почему”-реплики в русском языке // Филологические науки. № 3 (57). 1970.
- Арутюнова 1988 – Н.Д. *Арутюнова*. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Бабалова 1980 – Л.Л. *Бабалова*. Об употреблении союзов *и*, *а* и *но* в сложном предложении // Русский язык за рубежом. 1980. № 4.
- Бакалова 1984 – З.Н. *Бакалова*. Значение противительного союза “но” в современном русском языке: на материале сложносочиненных предложений // Семантическая структура слова. Кемерово, 1984.
- Балли 2001 – Ш. *Балли*. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 2001 (первое издание на франц. 1950).
- Вежицкая 1999 – А. *Вежицкая*. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Виноградов 1972 – В.В. *Виноградов*. Русский язык: Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М., 1972.
- Гак 1972 – В.Г. *Гак*. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972.
- Инькова-Манзотти 2001 – О.Ю. *Инькова-Манзотти*. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках. Сопоставительное исследование. М., 2001.
- Йокояма 1990 – О. *Йокояма*. К анализу русских сочинительных союзов // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текстов. М., 1990.
- Карлсон 1986 – Л. *Карлсон*. Соединительный союз BUT // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. М., 1986.
- Карцевский 1961 – С.О. *Карцевский*. Бессоюзие и подчинение в русском языке // ВЯ. 1961. № 2.
- Крейдлин, Падучева 1974а – Г.Е. *Крейдлин*, Е.В. *Падучева*. Значение и синтаксические свойства союза *а* // НТИ. Сер. 2. 1974. № 9.

- Крейдлин, Падучева 19746 – Г.Е. Крейдлин, Е.В. Падучева. Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом *а* // НТИ. Сер. 2. 1974. № 10.
- Кручинина 1988 – И.Н. Кручинина. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М., 1988.
- Левин 1970 – Ю.И. Левин. Об одной группе союзов русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. М., 1970.
- Левонтина 2004 – И.Б. Левонтина. Словарная статья “НЕОЖИДАННО” // НОСС. М.; Вена, 2004.
- Ляпон 1986 – М.В. Ляпон. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.
- Мартемьянов, Дорофеев 1983 – Ю.С. Мартемьянов, Г.В. Дорофеев. Опыт терминологизации общелитературной лексики: О мире тщеславия по Ф. де Ларошфуко // Вопросы кибернетики: Логика рассуждений и ее моделирование. М., 1983.
- МАС – Толковый словарь русского языка в четырех томах. Т. 1—4. М., 1985—1990.
- Николаева 2003 – Т.М. Николаева. Пространство славянских партикул // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Люблина, 2003. Доклады российской делегации. М., 2003.
- НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., исправл. и дополн. / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 2004.
- Падучева 1985 – Е.В. Падучева. Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М., 1985.
- Падучева 1997 – Е.В. Падучева. Эгоцентрическая семантика союзов *А* и *НО* // Славянские сочинительные союзы. М., 1997.
- Падучева 2004 – Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Санников 1989 – В.З. Санников. Русские сочинительные конструкции. М., 1989.
- Сигал 2004 – К.Я. Сигал. Сочинительные конструкции в тексте. Опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения). М., 2004.
- СУш – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4-х т. М., 1935—1940.
- Узнадзе 1966 – Д.Н. Узнадзе. Экспериментальные основы психологии // Д.Н. Узнадзе. Психологические исследования. М., 1960 (первое издание: Тбилиси, 1949).
- Урысон 2001 – Е.В. Урысон. Союз *ЕСЛИ* и семантические примитивы // ВЯ. 2001. № 4.
- Урысон 2002a – Е.В. Урысон. Союз *ХОТЯ* сквозь призму семантических примитивов // ВЯ. 2002. № 6.
- Урысон 2002b – Е.В. Урысон. Союз *А* как сигнал поворота повествования // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Отв. ред. чл.-корр. РАН Н.Д. Арутюнова. М., 2002.
- Урысон 2003 – Е.В. Урысон. Семантическая и валентная структура слов с уступительным значением // Русский язык в научном освещении. 2003. № 6.
- Урысон 2004a – Е.В. Урысон. Союзы *А* и *НО* и фигура говорящего // ВЯ. 2004. № 6.
- Урысон 2004b – Е.В. Урысон. Некоторые значения союза *А* в свете современной семантической теории // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2.
- Шаронов 2002 – И.А. Шаронов. Толкование эмоциональных междометий как знаков восприятия // R Ling. 2002. V. 26. № 2.
- Чейф 1975 – У. Чейф. Значение и структура языка. М., 1975.
- Kitis 2000 – E. Kitis. Connectives and frame theory: The case of hypotextual antinomial ‘and’ // Pragmatics & Cognition. V. 8(2). 2000.
- Lakof 1971 – R. Lakof. If’s, and’s, and but’s about conjunction // Studies in linguistic semantics. New York, 1971.
- Minsky 1975 – M. Minsky. A framework for representing knowledge // The psychology of computer vision. New York, 1975.
- Sperber, Wilson 1986 – D. Sperber, D. Wilson. Relevance. Oxford, 1986.